

ФИЛОЛОГИЯ

УДК81'366;81–11

О. В. Лукин

Теория частей речи в контексте философских и логических учений

Статья посвящена рассмотрению влияния философии и логики на теорию частей речи. В статье рассматриваются основные философские понятия как контекст развития теории частей речи. Проводится анализ взаимосвязи логических и языковых категорий в парадигме истории языкознания и намечаются перспективы исследования теории частей речи в контексте современного знания о человеке как носителе языка.

Ключевые слова: теория частей речи, история языкознания, философия, онтология, гносеология, логика, категории.

O. V. Lukin

Parts of Speech theory in the context of the philosophical and logical studies

This article considers influence of philosophy and logic on the Parts of Speech theory. The author treats the main philosophical notions as a background for the development of the Parts of Speech theory. He studies interrelations between logical and linguistic categories in the course of historical development of linguistics and suggests ways of prospective investigations of the parts of speech theory based on modern knowledge of a man as a language user.

Keywords: parts of speech theory, history of linguistics, philosophy, ontology, gnoseology, logic, categories.

Становление и развитие теории частей речи всегда было историей того влияния, которое оказывала философия как *наука наук, мать наук* (см. [15, с. 430]) на языкознание, и отражением философских школ и направлений, представленных в соответствующий период времени. Применение к языку критериев философии и логики продолжалось по меньшей мере до XIX века. Еще в XVIII веке грамматические особенности языка нередко, хотя и не всегда, определялись в философских терминах, различия между языками игнорировались, все описания втискивались в рамки латинской грамматики [3, с. 22].

Зависимость языкознания от философии настолько привычна и традиционна, что к авторитету философии нередко прибегают для решения лингвистических проблем, используя при этом философский понятийный аппарат. В истории частеречной проблематики постоянно сменялись периоды, отличавшиеся своими отправными идеями, продиктованными соответствующей философской и общественной парадигмой. Философская составляющая проблемы частей речи не

утратила своего значения и сейчас, хотя и рассматривается в ином научном контексте.

Противопоставление в частеречных теориях понятий «**априори**» и «**апостериори**» стало особенно актуальным в эпоху рационализма. Несомненность и самоочевидность доопытных знаний заложена, по мнению рационалистов, в человеческом интеллекте. С этих позиций понятна идея рациональной грамматики как грамматики вообще, врожденной и независимой от отдельных языков. Рациональная грамматика и части речи рассматриваются, таким образом, как априорные явления, из чего следовало, что не существует и не может существовать объективных критериев классификации частей речи. При апостериорном подходе критерии классификации выявляются лишь тогда, когда достигнуты ее первые результаты: классификация начинается с того, что сначала определяются связи сравниваемых языков по сходству в отношении как можно большего количества признаков, затем на основе матрицы коэффициентов сходства устанавливаются сами классы (ср. "Objektive Kriterien, um die Zahl der Kriterien zu bestimmen, gibt es nicht, und

man muß sie deshalb a posteriori festlegen, nachdem man die ersten Resultate erzielt hat" [10, с. 37]).

Взаимоотношения **эмпирического** и **теоретического** – это не только отношения стадий развития науки, но и отношения форм научного познания, структурных компонентов и уровней научного знания. Теоретическая лингвистика не может быть только прескриптивной дисциплиной, каковой она стала в свое время с легкой руки модистов. Дескриптивисты определяют части речи по их форме, но никогда – по реальным или воображаемым значениям, либо по заранее намеченной схеме «универсальной грамматики».

В плане отношения эмпирического и теоретического история теории частей речи вполне закономерно проходит ряд этапов, основным критерием разграничения которых является отношение к аристотелевским категориям. Появление и обоснование теории частей речи в античной философии было развитием учения Аристотеля о категориях на примере древнегреческого языка. Перенос этой теории на латинский язык, а затем ее догматизация на протяжении многих и многих столетий (вплоть до конца Средних веков) стало вторым этапом. Столкновение языковой эмпирии многих и многих языков и старой, по сути своей, философской теории оказалось весьма трудным, третьим этапом в развитии теории частей речи. Этот этап протекает перед нашими глазами. Сущность его состоит в неудовлетворенности старой, традиционной теорией частей речи и, вместе с тем, невозможности противопоставить ей что-либо, сопоставимое по обоснованности и признанности.

В истории частеречной теории категории **дескриптивного** и **прескриптивного**, с одной стороны, и эмпирического и теоретического, с другой, взаимосвязаны. Так, грамматисты-рационалисты считали современные им живые языки Европы результатом «языкового упадка» древних, а поэтому более совершенных, форм и считали себя вправе предписывать языку вымышленные правила, выведенные на логических основаниях [3, с. 23]. На протяжении значительного периода истории изучения языка в его арсенале находились лишь философские инструменты, а сами исследователи языка, начиная со схоластов, видели своей задачей не исследование живого языка, а догматизацию философских законов, установленных античными мыслителями, и на их основе предписание, как следует правильно говорить и писать.

Одним из наиболее важных аспектов частеречной проблематики является связь **формы** и **содержания** языковых явлений. Именно формальную и содержательную точки зрения традиционная грамматика постоянно смешивала (brachte durcheinander, verwechselte und vermischte). Традиционные части речи во многом служат еще свидетельством универсальности содержательно-ориентированного описания языка, с другой стороны, они должны стать инструментом формального анализа в грамматических описаниях различных языков. Постановка вопроса о приоритете либо формальных, либо содержательных признаков частей речи некорректна, так как форма и содержание языковых единиц существуют в диалектическом единстве как материальное и идеальное. С момента своего возникновения теория частей речи рассматривала феномен «части речи» не с формальной, а с содержательной (логической, онтологической, гносеологической и др.) точек зрения. Наложение на содержательные критерии формальных привело к тому, что нередко называют смешением критериев классификации, а по сути является смешением формы и содержания языковых явлений.

Взаимодействие формы и содержания языковых единиц, в том числе, и частей речи, релевантно для их исследования и классификации. Анализируя подходы ряда типологов (см. [12; 17; 16]), занимающихся исследованием универсальных языковых категорий, К. Кноблах считает предубеждением, будто определенное соответствие различных по форме и структуре языков в «категориях мыслимого» или в частях речи дает возможность грамматического сравнения языков. Если бы мыслимое было предопределено языковой формой строго в одном отдельно взятом языке, то едва ли был возможен перевод на другой язык, имеющий какой бы то ни было смысл. Так, возможность в определенной степени адекватного перевода подтверждает, что существуют надязыковые эквивалентности мыслимого, а сложность перевода, содержащего все смысловые отношения исходного текста, доказывает, что значимости лексем и конструкций в речи одного отдельно взятого языка зачастую примысливаются (ср. "Allein die Unterstellung, es gebe eine gewisse Übereinstimmung der form- und strukturverschiedenen Sprachen in den "Kategorien des Gemeinten" ... oder in den "partes orationis" ... erlaubt ja den grammatischen Sprachvergleich. Wäre auch das **Gemeinte** (und nicht nur das von den lexikalischen und grammatischen Kategorien **Bezeichnete**, nach

der Terminologie von Koschmieder) strikt einzelsprachlich präformiert, so könnte es eine sinnvolle Übersetzung kaum geben. So belegt die **Möglichkeit** des (einigermaßen) adäquaten Übersetzens, daß es sprachübergreifende Äquivalenzen des Gemeinten gibt, und die **Schwierigkeit** einer alle Sinnbezüge des Ausgangstextes erhaltenden Übersetzung belegt, daß man oft auch die einzelsprachlichen "valeurs" der Lexeme und Konstruktionen **mitmeint** in der Rede" [13, с. 12]).

В основе частеречных концепций лежат особенности языкознания, имеющие как онтологические, так и гносеологические корни. Идеалистические построения **онтологии** Платона предвосхитили не только само появление, но и многие противоречия, присущие теории частей речи. Бытие по Платону не материально, бытие – это совокупность умопостигаемых форм, идей [5, с. 458]. Учение Платона об идеях, отражением которых является окружающий мир, стало первопричиной такого кардинального противоречия в частеречной теории, как смешение онтологического и гносеологического.

Со времен Платона частеречная теория занималась обсуждением и вопросов **гносеологии**. Написанные античными философами грамматики древнегреческого послужили прообразом для описания национальных языков, наметив тенденцию к выявлению универсальных свойств человеческого языка. С гносеологических позиций проводился и анализ содержания речи (суждения, предложения). Любое суждение обязательно состоит из предмета сообщения и собственно сообщения. «Логос», «онома» и «рема» у Платона и Аристотеля – это и есть суждение, предмет и сообщение, и лишь потом – предложение, имя и глагол. Гносеологический анализ и привел вначале к противопоставлению двух частей речи – имени и глагола, а выделение и описание остальных стало производным, вторичным (ср. [8, с. 134–137]).

Связь частеречной проблематики с **логикой** имеет самое немаловажное значение, так как вся история этой проблематики разворачивалась на фоне взаимоотношений между логикой и языкознанием. Связь языкознания с логикой изначальна: сам термин «логика» обозначал словесное выражение мысли, черты сходства и различия логических и грамматических структур всегда были предметом изучения разных школ логики [1, с. 273]. Грамматические категории частей речи и логические категории находятся между собой в отношениях, которые никак не сводятся к

отражению последних первыми. В истории развития европейской языковедческой традиции с VI в. н. э. непосредственно с логикой были связаны три этапа из четырех. Первый (VI–XII вв.) был периодом появления схоластической логики, когда грамматика стала ее вспомогательной дисциплиной. Во второй (XIII–XIV вв.) грамматика становится частью философии и ключом к пониманию природы человеческого мышления, именно тогда и возникает логико-грамматическая школа «модистов». В четвертый, «рационалистический» период (XVII–XVIII вв.), декартовская революция заставила филологов искать новые логико-рационалистические принципы исследования языка [4, с. 146]. Такой значительный отрезок времени, столь тесно связанный с логикой, оказал влияние на дальнейшее развитие как языкознания вообще, так и частеречных теорий в частности. Однако статическое отождествление грамматики, онтологии и логики в мышлении рационалистов, приведшее к концепции универсалий, встретило противодействие со стороны историко-генетического мышления в XIX веке.

Классическая двухвалентная (аристотелевская) логика с ее тремя директивными аксиомами выражает цели как мышления, так и определенного языковедческого сознания. Как предметная логика, она ориентируется только на изобразительную функцию языка, поэтому вынуждена вступить в конфликт с лексикой и грамматикой естественных языков. Конфликт формальной логики с лексикой и грамматикой отдельных языков нашел свое решение в трех основных направлениях. Первое, представленное грамматикой Пор-Рояля, пыталось так преобразовать лексику и грамматику естественного языка, чтобы они лучше соответствовали принципам классической логики. Второе направление (XVII–XVIII вв.) стремилось создать универсальный язык науки. Третье (Новое время) обозначало логические отношения особыми нотационными знаками [14, с. 182]. В историческом плане критика логических основ грамматики привела к четкому отграничению языковых и логических категорий друг от друга, что позволило анализировать языковые формы без оглядки на категории логики и выдвинуло на передний план морфологию.

Многочисленные непоследовательности в теории частей речи во многом восходят к понятию «категория». «Категории» традиционной эмпирической грамматики – это общепринятые понятия, которые смешиваются с классами слов (частями речи) и устанавливаются на неоднород-

ных основаниях при одновременном использовании различных критериев. Современное состояние частеречной проблематики не в последнюю очередь зависит от состояния современной гносеологии, ставящей перед собой иные задачи, нежели во времена Аристотеля, и не стремящейся к созданию своей системы категорий (ср. [2, с. 114]). Но как античная теория частей речи появилась в рамках аристотелевских категорий (равно как и наоборот), так и теория частей речи на современном этапе взаимосвязана с современной эпистемологией.

Определенную роль в развитии частеречной проблематики сыграли категории **И. Канта** и **Г. Гегеля**, сложившиеся в рамках философии идеализма, что предопределило особенности связанных с ними частеречных теорий. Кантианские категории – качество (реальность, отрицание, ограничение), количество (единство, множество, цельность), отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), модальность (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность) – представляют собой неизменные формы мышления, упорядочивающие человеческий опыт. Категории Гегеля – бытие (качество, количество, мера), сущность (основание, явление, действительность, к которой относились субстанция, причина и взаимодействие), понятие (субъект, абсолютная идея, объект) – представляют порождение абсолютной идеи [9, с. 251].

Части речи необходимо рассматривать в широком контексте их системных взаимосвязей со всем, что касается изучения человека как носителя языка. Важную роль в теории частей речи играет анализ проблемы «**высказывание**» и «**ситуация**». Теория частей речи непосредственно связана с проблемами, касающимися общих принципов концептуализации действительности и вопросов онтологии, понятий «**мир**», «**ситуация**» в философском, логическом и лингвистическом аспектах, форм их проявления в языке, особенностей восприятия и фактора знания о действительности в формировании высказывания и его связи с ситуацией (миром), вопросов референции предложения, его компонентов и производных от него имен и конструкций, проблемы истинности высказывания и вопросов тождества. При таком подходе все факторы языка трактуются как средства концептуализации мира в установлении номенклатуры, структуры и способов связи онтологических объектов. В качестве главной языковой формы выражения возможного мира рассматри-

вается пропозиция, основу которой составляют имя и предикат.

Ситуация внеязыковой действительности, описываемая языковыми средствами, состоит из события и его участников. На семантическом уровне им соответствует пропозиция, состоящая из предиката и его аргументов. Способ мыслительного членения действительности на ситуации предопределяет семантическую природу предиката [6, с. 198]. В плане языковой формы предикату соответствуют глаголы, а аргументам (термам) – существительные, хотя такие отношения не всегда однозначны. Другие знаменательные части речи (прилагательные, наречия) также соответствуют предикату высказывания, что лишает теорию частей речи ее абсолютного таксономического содержания.

Рассмотрение проблемы частей речи с точки зрения **референциальной идентификации** переводит так называемый семантический критерий в иную плоскость, не решая самой проблемы. При помощи референциальной идентификации предполагается определить тождество или отличие референта каждой языковой единицы от референтов других единиц и выделить лингвистически релевантные референтные признаки. Все части речи могут подвергаться референциальной идентификации на основании значимых референтных признаков. Однако их определение и выделение едва ли имеет под собой какие бы то ни было основания кроме интуиции.

Знания о частях речи входят в качестве обязательного компонента в комплекса знаний любого человека. К. Поппер в этом отношении различает три мира: мир физических предметов и состояний, мир субъективного опыта или состояний сознания, мир знаний в объективном смысле (см. [11, с. 127]). Языковые правила являются частью **когнитивного аппарата** человека, потому что язык – наиболее характерный тип его когнитивной деятельности [7, с. 31]. На языковом уровне действительность упрощается посредством языка, причем на каждом уровне по-разному. На лексическом уровне язык суммирует индивидуальное под когнитивными образцами или понятиями; на уровне грамматики речь идет об образовании упрощенных структурных моделей (ср. [14, с. 191]). Все это закономерно связано с частями речи, которые принято рассматривать прежде всего как лексико-грамматические категории. Упрощение действительности и абстрагирование от нее, классификация ее явлений по понятиям или когнитивным образцам, освобождение от

многих индивидуальных черт, происходящие на лексическом уровне, закрепляются на уровне грамматическом в форме типичных образцов отношений между собою лексических единиц – слов, то есть частей речи. Носителям отдельно взятого языка система его частей речи представляется как нечто данное, таким же образом предстают перед ним и лексические значения отдельных слов, система их синтаксических отношений и связанная с первыми двумя признаками структура слова. Не случайно в этом смысле сравнение языковых феноменов с *нитью Ариадны*, помогающей нам найти выход из лабиринта незнания.

Все люди независимо от национальности имеют одинаковый когнитивный аппарат. Будучи знаковыми системами, все языки вынуждены иметь практичную внутреннюю организацию, делающую их способными к употреблению и функционированию. Поэтому все знаковые системы должны иметь знаки называния и знаки организации или интерпретации (то есть знаменательные и служебные части речи). Если все люди обладают одинаковым в структурном отношении когнитивным аппаратом, то с его помощью создаются похожие когнитивные образцы. Следовательно, все языки должны обладать практичными когнитивными различительными образцами, чтобы люди смогли справиться с физическими и социальными условиями окружающего мира. Таким образом, мы вправе ожидать и закономерно находим в разных языках весьма похожий набор группировок слов, именуемых частями речи, и только в этом смысле части речи универсальны.

Роль **универсального** в теории частей речи принято связывать со сложившейся традицией, когда языковые явления дефинируются и описываются на основе интуиции, а не строгого научного анализа. Части речи, несомненно, являются лингвистическими универсалиями, хотя универсальные свойства частей речи нередко выводятся не из отдельно взятых языков, а из особенностей человеческого отражения окружающего мира в категориях, приписываемых человеческому разуму вообще. Наиболее релевантны в этом плане следующие положения:

1) языки имеют различные структуры, а мир материально един для всех людей независимо от их языка;

2) в зависимости от структуры языков весь объективный мир предстает носителю каждого

из них в несколько ином отражении, ином преломлении;

3) грамматики «престижных» – в течение едва ли не двух тысячелетий – греческого и латинского языков навязывали носителям других языков свои, типологически обусловленные, принципы строения: языка вообще, одного отдельного взятого языка в частности и самого окружающего мира.

Универсальность общей теории частей речи состоит, прежде всего, в трех положениях:

– текст любого языка членится на определенные, в большей или меньшей степени соотносимые со словом части;

– эти части по ряду признаков отличаются друг от друга;

– все эти части обусловлены общностью человеческого мышления.

Современные трактовки универсальной грамматики, по сути, не отталкиваются от особенностей языка. Лежащая в их основе традиционная грамматика более всего представляет собой универсальную грамматику, основное положение которой состоит в том, что в любом языке единицы определенного вида должны выводиться из фиксированных классов единиц, а определенные установленные синтаксические категории (имя, глагол и т. д.) могут быть найдены в синтаксической репрезентации предложений любого языка. Понятие универсального в последнее время связывают с проблемой грамматического моделирования, которое решается не с помощью каких бы то ни было реальных научных инструментов, но опять-таки исключительно в опоре на интуицию. Целью такого моделирования является экспликация содержания традиционных терминов.

Задача описания различных языков, причем описания в соизмеримой терминологии, связана с важной потребностью языкознания – потребностью в составлении свода единообразно описанных языков.

Индивидуальное и универсальное в языке диалектически связаны между собой. В языках все универсальное встречается окрашенным и сросшимся с индивидуальным. Путем сравнения языков можно лишь установить, какие грамматические формы, выступающие в качестве когнитивных образцов, обладают в большей или меньшей степени, чем другие, языковой и культурной спецификой. То, что одни и те же явления действительности могут выражаться в одном языке иной частью речи, нежели в другом, свидетельствует о необходимости типологического

изучения таких явлений, имеющих под собой основу в виде различных картин мира отдельных языков.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Логическое направление в языкознании [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 273–275.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.
4. Бокадорова, Н. Ю. Европейская языковедческая традиция [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 146–147.
5. Доброхотов, А. Л. Онтология [Текст] / А. Л. Доброхотов // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 458–459.
6. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. Универсальное, типовое и специфичное в языке [Текст] / А. Е. Кибрик. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
7. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12–51.
8. Лукин, О. В. Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика) [Текст] / О. В. Лукин // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 131–141.
9. Спиркин, А. Г. Категории [Текст] / А. Г. Спиркин, М. Г. Ярошевский // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 251.
10. Altmann, G., Lehfeldt, W. Allgemeine Sprachtypologie. Prinzipien und Meßverfahren / G. Altmann, W. Lehfeldt. – München: Wilhelm Fink Verlag (Uni-Taschenbücher, 250), 1973. – 144 S.
11. Eccles, J. C. Die Evolution des Gehirns – die Erschaffung des Selbst / J. C. Eccles. – München: R. Piper GmbH & Co, 1989. – 450 S.
12. Kaznelson, S. D. Sprachtypologie und Sprachdenken / S. D. Kaznelson. – Berlin: Akademie-Verlag (Reihe Sprache und Gesellschaft; 5), 1974. – 272 S.
13. Knobloch C. Sprache als Technik der Rede. Beiträge zu einer Linguistik des Sprechens / C. Knobloch. – Frankfurt/M.: Peter Lang (Theorie und Vermittlung der Sprache; Bd. 9), 1988. – 246 S.
14. Köller, W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens / W. Köller. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.
15. Meulen, A. T. Linguistics and the philosophy of language / A. T. Meulen// Newmeyer F. J. (ed.) Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. I. Linguistic Theory: Foundations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – pp. 430–446.
16. Seiler, H. Die universalen Dimensionen der Sprache: Eine vorläufige Bilanz (Vorlesung im WS 1986/86, bearbeitet von Th. Müller-Bardey/ M. Kurzidim)/ H. Seiler. – Köln (Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts; 75), 1988. – 127 S.
17. Walter, H. Studien zur Nomen-Verb-Distinktion aus typologischer Sicht / H. Walter. – München: Wilhelm Fink Verlag (STRUKTURA. Schriftenreihe zur Linguistik, hrsg. von H. Seiler, Bd. 13), 1981. – 168 S.